
18+
МАРИНА РЯБОЧЕНКО
ЗАПИСКИ
ИЗ МУЗЫКАЛЬНОГО
МАГАЗИНА

Марина Рябоченко

Записки из музыкального магазина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22875625
ISBN 9785448372773

Аннотация

В этой книге нет вымышленных героев. Герои рассказов – реальные люди, с которыми автора сводила судьба в разные годы жизни, которые так или иначе внесли свою лепту в становление ее характера, раскрыли понимание различных жизненных ситуаций.Тема всех рассказов одна – ее можно выразить двумя словами: просто жизнь. Книга рассказывает о первой любви, взрослении и обретении профессии, о взаимоотношениях людей, о том, что значит быть матерью, о неожиданных встречах, обернувшихся судьбой…

Содержание

От автора 5
Часть первая. Под стук телетайпа: 8
Вместо предисловия 8
Не дышите – дышите! 12
Валюша и Надюша 18
Служебный роман 22
Равнение на Карабаса 29
Самое главное в жизни 33
Прямая связь 39
Лучший в мире фотошоп 43
Морковка 47
Сан Саныч 52
Иноверец 54
Лариса Ивановна 57
Гости из будущего 63
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Записки из музыкального магазина

Марина Рябоченко

© Марина Рябоченко, 2017

ISBN 978-5-4483-7277-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В этой книге не сказано ни слова о музыке. Может быть я разочарую этим читателя, но зато он с самого начала будет знать правду.

И все же название «Записки из музыкального магазина» вовсе не случайно.

Более двадцати лет проработав журналистом, встречая каждый день самых разных людей, я годами носила в душе сюжеты будущих рассказов. Это были крошечные несмелые ростки… Бросая на них мимоходом свой внутренний взор, думала – напишу когда-нибудь, потом, не сейчас, вот сдам очередной номер журнала, вот закончу очередную тему… И с годами это «потом» не только не приближалось, а только все больше терялось вдали, потому что к тесноте рабочих будней прибавились заботы о семье, трех детях…

И вдруг – неожиданный поворот в жизни. Мне пришлось оставить любимую профессию и посвятить свое время семейному бизнесу. Мой муж, музыкант, с большим энтузиазмом создавший сеть розничных музыкальных магазинов, совершенно растерялся перед обилием стоявших теперь перед ним задач. Ему нужен был надежный помощник, а жена – это лучшая кандидатура. Не умея играть ни на одном инструменте, не помня даже нот, я с головой окунулась в новое дело. Оно увлекло меня настолько, что, казалось, я на-

всегда рассталась с пером.

И вот однажды… Однажды всю ночь, в своем сне, писала книгу. Я заполняла строчками чистые страницы, переворачивала листы, снова писала… Проснувшись, долго не могла прийти в себя, озираясь вокруг, ища написанное. Сон стал навязчивым.

– А почему ты пишешь только во сне? – удивился мой добрый друг – журналист и поэт – Михаил Полячек, когда я посетовала на ночные «кошмары». – Садись и пиши вживую – пока не засохло перо…

– Когда? Времени абсолютно нет!..

– А ты найди!

И я нашла. Я сидела в музыкальном магазине с десяти утра до восьми вечера. Дни бывали разные – иной раз многолюдные, торговые, а порой абсолютно унылые, пустые для кассы, но зато совершенно благодатные для меня. Именно в такие дни я стала записывать то, что давно рвалось наружу. Прочитав несколько первых рассказов, Полячек сказал:

– Нужно делать сборник. Я даже название придумал – Записки из музыкального магазина!

С написания моего первого рассказа прошло девять лет, уже давно готов сборник, но лучшего названия я так и не придумала.

Благодарю моих первых читателей и критиков – Михаила Полячека, Марию Романушко, Виктора Кротова, Татьяну Полуянову, Марианну Беспалову и Елену Нахапетову, кото-

рая редактировала и вносила корректуру в рассказы сборника.

Часть первая. Под стук телетайпа: сюжеты из юности

Вместо предисловия

Я всегда прихожу первая, в девять утра. Взяв на охране ключ, открываю двери в редакцию, затем – в секретарскую. В нос шибает свежей типографской краской и застарелым табачным дымом – вчера ночью водители, ожидая подписания номера, курили как паровозы… Выбрасываю окурки из пепельницы, распахиваю окно. Поливаю отстоявшейся водой старый корявый декабрист и усеянный детенышами кактус… Через короткое время комната наполняется свежим морозных воздухом, или ароматами весны, или теплом начинающегося летнего дня, или сладким запахом гниющей листвы… Эти простые запахи, которые каждый год сменяют друг друга, я острее всего воспринимала именно там, именно в те далекие годы.

Из секретарской – три двери в кабинеты редактора и двух его заместителей. Распахиваю двери, открываю окна. На моем секретарском бюро – такое не встретишь даже на помойке – ворох свежих газет, четырех изданий, которые печатаются в нашем издательском комплексе. Делаю вначале под-

борки для редактората и разношу по кабинетам, затем – такие же пачки для заведующих отделами, ответсека, дежурки… Руки становятся черными… Хватаю мыло, большой кувшин – помою руки и заодно наберу воды: пора включать самовар.

Первым, как часы, без двадцати десять, появляется главный редактор. А с десяти тихая, сонная редакция начинает наполняться десятками голосов. Почти каждый сотрудник первым делом заходит ко мне в секретарскую – кто за газетами, кто за свежими гранками, кто-то вносит в журнал заявку на автомобиль… Начинается новый долгий редакционный день.

Как же близко все! Вот я, девчонка еще… Словно и сейчас могу протянуть руку к свежему номеру на бюро и, растирая пальцами типографскую краску по газетному листу, развернуть газету… И вот я – нынешняя – стучу по черным кнопкам клавиатуры… Это только память, это она сгребла меня в охапку и швырнула в то далекое далеко, где до сих пор для меня живы и стены, и запахи, и ворох газет рядом с поспевающим, булькающим от усердия самоваром… И люди. И сегодня, сидя за компом, могу поздороваться с каждым. Помню их имена-отчества, их улыбки и походки…

Проработала здесь, в редакции областной газеты, восемь лет. Каждый день приходила на работу как на праздник. Ничто – ни легкая простуда, ни высокая температура – не могли оставить меня дома. Попала сюда случайно. Я уволилась

с первого места работы и полгода просто маялась – без всяких мыслей, планов в голове. Как и где искать работу, какую? Помогла мама, которая очень хотела пристроить меня в интересное место, к добрым людям. Случайная ее знакомая, с которой сошлись на курорте, оказалась случайной знакомой заведующей редакции газеты…

– Люди там взрослые, творческие, может тебе будет интересно, – напутствовала мама, отправляя к той самой заведующей.

Лариса Ивановна как раз оформляла мне пропуск, когда я, дрожа от страха, открыла тяжелые стеклянные двери огромного, белого, недавно выстроенного издательского корпуса, подошла к нужному окошку и назвала фамилию.

– А, это ты? – обернулась ко мне миниатюрная женщина в зеленом кримпленовом платье, ладно сидящем на ее стройной фигуре. – Ну, пойдем…

Ее кабинет затерялся в самом конце длинного темного коридора, по обе стороны которого мелькали двери, двери… У Ларисы Ивановны было тепло, уютно пахло духами с ароматом ландышей. Она деловито оформила мне трудовую книжку.

– Сегодня четверг, вот и приходи в понедельник, в начале десятого, редакция будет уже открыта.

…На деревянных ногах спустилась я по мраморным ступеням на первый этаж. Не в силах сделать и шага, стала под лестничным пролетом, лицом к окну, и вдруг разрыдалась –

горько, навзрыд.

– Да что ж ты так плачешь? – мимоходом спросил спускавшийся по лестнице мужчина.

В ту минуту я не могла объяснить своей истерики, какого-то отчаяния, предчувствия чего-то. Больше тридцати лет прошло с того дня. И только сегодня, когда воспоминания, картинки, люди, ситуации утрамбовались по своим местам, я поняла суть своих горьких слез. Были они подобны первому крику только что родившегося младенца, тоске по теплу материнской утробы. Страху перед таинственностью этого яркого и чужого мира. Второе рождение пережила я тогда.

Те годы не просто навсегда остались в моей памяти – они всегда со мной, потому что были днями и часами настоящего взросления, пути к самой себе. Кто-то может сказать, что путешествие это немного затянулось… Согласна, восемь лет – немалый сок. За это время с десяток курьерш и курьеров, моего возраста, устраивалось к нам в редакцию. Работали год-полтора, оперялись – кто в корреспонденты, кто в жены – и растворялись в жизни. Я задержалась, я шла не спеша, очень медленно приближаясь к своей профессии, да и к жизни вообще. И не жалею об этом – потому, что не ошиблась. Многие редакционные работники называли меня «дочерью полка», и это так. Они каждый день воспитывали, растили меня, сами не подозревая об этом, никогда не поучая – своими поступками, разговорами, слезами и смехом…

Не дышите – дышите!

Как вчера это было – мой первый рабочий день в редакции.

– Основная работа – на телетайпе, – Лариса Ивановна завела в маленькую темную комнату, в которой беспрерывно стрекотали аппараты, и быстро показала, что мне предстоит делать.

– Сидеть будешь здесь, – она проводила меня в секретарскую комнату.

За бюро восседала строгая дама. Посреди секретарской стояли два сотрудника редакции, что-то обсуждая громкими голосами. Высокий черноволосый с огромными темными глазами и гасконским профилем Олег А., местный ловелас, тут же прервал разговор и обратился ко мне: – Девушка, а вы к нам в отдел?

– Не слушай его, пошли со мной, – подошел и приобнял меня за плечи Олег К.

Невысокий, с помятым, землистого цвета лицом, в затертом несвежем костюме… От него пахнуло перегаром и дешевым табаком, глубоким стариком показался он мне, а ведь ему еще не было сорока… Это потом, обвыкшись и присмотревшись к работе и к людям, я поняла, каким высоким профессионалом был Олег. Заместитель ответственного секретаря, как же виртуозно, несмотря на свое перманент-

ное пьянство, он утискивал разнокалиберные журналистские опусы в строгие рамки газетной полосы! Добрый и умный человек – напугал он меня только при первой встрече.

– Отстаньте от девчонки! – Лариса Ивановна взяла меня за руку и оттянула от Олега. – Да не бойся ты! – заметив мой перепуганный взгляд, засмеялась она. – Никто тебя не тронет, да Валь? – обратилась она к строгой даме. – Шутят они все…

А я, действительно, была напугана. Я была очень домашним, скромным ребенком. И жизнь, в которую вдруг попала, казалась мне чужой, полной опасностей… Этот мир был населен взрослыми, очень умными и талантливыми людьми, которым и «здрасьте» страшно сказать…

Как уже упомянула, редакция стала вторым моим местом работы. До десятого класса много профессий примеривала на себя, но на финише абсолютно растерялась. Окончив школу, я, не в пример другим одноклассникам, осталась лицом к лицу с вопросом «Кем быть?» Заодно с подругой подала документы в педагогический, но на экзамен даже не пошла – быть учителем я не хотела. «Болтаться» без дела в те годы было нельзя – могли привлечь за тунеядство, и потому с началом сентября я стала курьерить в Центральном Банке на Неглинной. Тоже, кстати, пристроила мама по дальнему знакомству – вдруг мне понравится быть финансистом? Шесть месяцев тоски смертной. Кошмарный сон. Лишь несколько воспоминаний на память. Как болела

по две недели каждый месяц… Как косились на меня тетушки нашего центрального операционного управления. Моей обязанностью было ходить мимо их столов и собирать отпечатанные платежки. Каким же раздражителем было для этих полноватых, скучающих за своей работой, уже уставших от жизненных неурядиц немолодых дам юное видение в мини-юбке! Они часто обращались ко мне с едкими вопросами и глупыми замечаниями: – Марина, поправь лифчик. У тебя одна грудь выше другой… – как будто тихо, но так громко, чтоб слышали все, могла сказать любая из них.

Наивная и впечатлительная, я бежала в туалет и пыталась отрегулировать уровень грудей, хотя сделать это было совершенно невозможно – тогдашнее женское белье шилось както намертво, без этих скользящих по лямке пряжечек.

Сидела я в так называемой «темной» комнате, без окон, весь день при электрическом освещении. Две взрослые девушки – им было за двадцать – занимали соседние столы. В иные дни работы у меня было очень мало, но читать книгу категорически запрещалось, разговаривать тоже. Я впадала в кому, часами глядя в стену напротив… Тогда еще был жив комсомол, и он рьяно боролся с курением. Я в те времена не курила, а вот девчонки, сидящие рядом, несколько раз в день выходили на перекур. Спрятав сигарету в рукав, прихватив флакон духов, они отправлялись в туалет, запирались по кабинкам и дымили… Иногда их прорабатывали на комсомольских собраниях – тетушки из большой комна-

ты чуяли запах табака даже сквозь крепкий аромат «Красной Москвы»… Все в этом управлении было пропитано притворством и ханжеством, все мне было неинтересно и противно… Не хватало воздуха, я просто задыхалась…

И вот Лариса Ивановна ушла, оставив меня посреди секретарской комнаты. Я, не в силах опуститься в предложенное кресло, развернулась и поспешила в телетайпную – там около стола стоял стул. Аппараты стрекотали без умолку и так громко, что закладывало уши, не слышно было собственного голоса… На сердце было тоскливо – и вот опять я в «темной» комнате, на этот раз одна… Вдруг дверь распахнулась: – Ну как, справляешься? – строгая дама из-за бюро, технический секретарь редакции Валентина Петровна быстро оглядела мой рабочий стол. – Ты чего здесь прячешься? Иди в секретарскую, пока не оглохла… Я послушно пошла за ней, как и велели, заняла кресло рядом с бюро. Имея уже опыт, очень хорошо понимала, как нужно вести себя на работе. Выпрямив спину, сидела молча, уставившись в самовар, который стоял на столике прямо напротив моего кресла. Каждые двадцать минут уходила на телетайп и, возвращаясь, принимала ту же позу.

– Обедать будешь? Столовая на третьем этаже, а буфет прямо от редакции, – подсказала Валентина Петровна.

– Спасибо. Я не хочу, – выдавила в ответ.

А уж как врала! Есть мне очень даже хотелось! Но я и представить не могла, как это вдруг войду в столовую, и ме-

ня кто-то увидит, и я буду уплетать борщ на виду у этих небожителей – журналистов. Нет, я чего доброго подавлюсь этим борщом… Сидеть голодной, правда, тоже было неловко. Где-то часов с двух в моем животе начался грозный рокот, и я, любуясь самоваром, то краснела, то бледнела от стыда.

Мой рабочий день заканчивался в четыре часа, затем наступала смена вечернего курьера. Валентина Петровна с первого же дня стала отправлять меня домой в три, а то и в два.

– Иди, иди… Ничего, справимся, – успокаивала она меня.

Я уходила. И не потому, что спешила домой. Просто чувствовала, что мое присутствие ее и раздражает, и сковывает… Я очень переживала – и из-за того, что оставляю свой «пост», и потому, что так напряжено и неловко чувствовала себя не только с Валентиной Петровной, но и со всеми другими людьми в редакции.

В конце второй недели, в пятницу, выпроваживая меня домой, Валентина Петровна вдруг сказала:

– В субботу работает только дежурная бригада. Ты можешь и не приходить. А хочешь – приходи. В отделе писем Ольга Ивановна будет, пообедаем вместе…

Она говорила как-то сухо, без улыбки. Я еще больше оробела… Кто такая Ольга Ивановна, знать не знала, и почему я должна с ней обедать – тоже. По дороге домой все обдумывала и обдумывала слова Валентины, и додумалась – меня приглашают на обед! Зашла в магазин и купила бутылку модного тогда вина «Токай».

– Вот, это к чаю, – выложила я на бюро коробку конфет на следующее утро. – Я еще и вино купила. Если можно…

– Что ж дорогое такое? – вдруг заулыбалась Валентина Петровна. – Ну, прячь все в шкаф…

Время с десяти до двух опять прошло в напряженном молчании. У секретаря всегда была какая-то работа, и я даже представить не могла, что вдруг оторву ее от дела хоть каким-то словом. И вот настало время обеда. Вся дежурная бригада скинулась, Ольга Ивановна с Валентиной Петровной накрыли стол в отделе писем. Есть при этих незнакомых людях я по-прежнему боялась, но зато выпила четверть стакана «Токая». Вдруг расслабилась, чему-то вместе со всеми засмеялась, что-то сказала…

– Ты смотри, наш человек! – обрадовалась вдруг Валентина Петровна. – А то знаешь, мы уж думали, что ты чокнутая какая-то… Сидишь как истукан, неживая… Да ты ешь, милок, не стесняйся! – она стала накладывать мне на тарелку салаты и бутерброды. – Надо же, свой человек!..

Я наконец-то вздохнула полной грудью, и вдруг почувствовала, что это мое место работы, мой дом, мое все…

Валюша и Надюша

Технических секретарей в редакции было двое – Валентина Петровна и Надежда. Работали они посменно, через день. Так получилось, что первые две недели моей работы у Надюши болела маленькая дочка, и на ежедневную смену, без всяких выходных, выходила Валюша. После того субботнего обеда в отделе писем наши отношения с Валентиной Петровной стали задушевными. Ей было к сорока, она казалась мне уже почти пожилой, и обращалась я к ней всегда на «вы» и по имени-отчеству. Она неизменно называла меня Маришкой или и того ласковей – милок.

Валюша была прирожденная секретарша. До редакции она работала лет десять секретарем в большой организации, при высоком начальстве, так что нервы имела закаленные. А работа здесь, в редакции, была напряженной – в иные дни без умолку трезвонил городской телефон, дергали по разным пустякам сотрудники из дежурной бригады, заваливал заданиями главный… Валюша, отвернувшись на секунду от подошедшего с очередным заданием начальства, одними губами выругивалась матерком, оборачивалась уже с улыбкой:

– Конечно, конечно! Сей секунд все сделаем!

Она не была горькой пьяницей, но любила перед обедом дернуть стаканчик портвейна – чисто для аппетита, снятия стресса. Неизменно такой же стаканчик стала наливать

и мне. Я портвейн до этого даже не пробовала. Во время семейных празднеств пила шампанское или сухое вино – и то рюмками… Целый стаканчик «дергать» просто боялась!

– Да там пить нечего! – смеялась Валюша. – Ты не тяни, залпом выпей и выходи быстрей закусывать, – наставляла она меня, пока я, раздумывая над стаканчиком, пряталась за дверями сейфа.

Я, конечно, «дергала»… Выходила из укрытия и тут же плюхалась в кресло, хваталась за бутерброды… Вкус портвейна мне совсем не нравился, голова становилась тяжелая, ноги на телетайп не несли… Валюша прекрасно понимала мое состояние.

– Да ты, милок, не тревожься. Сиди, отдыхай! Я сама на телетайп сбегаю, все сделаю! – успокаивала меня.

Не могу понять, что за интерес был Валюше наливать мне стаканчик, а потом работать за меня на телетайпе. Но так было! Мы с ней прекрасно общались – Валюша была добрая, понимающая, сострадательная душа, я могла поделиться с ней своими домашними проблемами, рассказать что-то личное.

Надежда была старше меня всего на восемь лет, ровесница моей родной сестры. В первый же день ее дежурства мы сошлись, подружились.

В те годы в магазинах был дефицит не только колбасы и прочей снеди, но и средств личного ухода – парфюмерии, косметики… К примеру, выбор шампуней ограничивался

пятью-шестью наименованиями, хоть, возможно, они и были приличного качества. Это сегодня производители уверяют, что их средствами можно мыть волосы каждый день. В те же годы мы больше прислушивались к советам отечественных косметологов, которые уверяли, что мыть голову часто вредно – волосы быстро становятся жирными, выпадают и прочее… В осенне-зимний сезон под шапкой быстрее всего начинали лосниться волосы на висках и надо лбом. В журнале «Работница» я вычитала добрый совет – сухой мойки, мукой. В каждую Надюшину смену приносила в баночке из-под зубного порошка муку, еще до прихода редактора мы убегали в туалет и начинали наводить красоту. Щедро посыпали голову мукой и затем вычесывали ее из волос… Надюша после «мойки» делала высокую укладку, я – хвостик, и мы занимали свои места в секретарской. Сидели молодые, улыбающиеся, с седыми от муки висками, но зато без предательского жирного блеска!.. Мы с Надюшей щебетали без умолку – каждая о своем. Надюша страдала. Она рано вышла замуж, за молодого парня, с которым познакомилась на отдыхе. Молодые любили друг друга, родилась у них Катюша. Но мама Надюши на дух не переносила провинциального тестя и развела-таки влюбленных. Выйдя после развода из загса, они тут же договорились о свидании и тайно от матери встречались уже полгода. Опять хотели пожениться и во второй раз подали заявление в загс… Я сочувствовала и удивлялась материнскому жесткосердию – надо поста-

раться не быть такой же.

Мои родители были хорошо знакомы и с Валентиной Петровной, и с Надеждой – по телефону. После Надюшиной смены я приходила домой вовремя, а вот после Валюшиной – поздно вечером. Валентина Петровна любила устроить еще и полдник со вторым стаканчиком портвейна. Я заявлялась домой, воняя спиртным и закуской, и тут же ложилась спать. Сначала родители воспринимали ситуацию с юмором, затем стали волноваться – как бы дочь не спилась… Попросить Валюшу не наливать мне стаканчик стеснялись – язык не поворачивался делать выговор веселой, добросердечной, всегда любезной, взрослой женщине. Сама я не могла отказаться «дернуть» – стеснялась обидеть Валюшу, да и азартно уже было.

Спасло меня то, что через полтора года Надюша перешла на другую работу и меня, как очень ответственного, усердного, безотказного работника, перевели из курьеров в техсекретари, на ее место. С той поры общались мы с Валюшей только по телефону, виделись редко – на общередакционных посиделках. Так благополучно закончилось мое испытание стаканчиком.

Служебный роман

Больше года моим основным местом работы был телетайп. До сих пор помню веселый стрекот этих аппаратов, из которых змеились длиннющие ленты новостей. Я должна была следить за тем, чтобы информация вовремя попадала на стол заместителя ответственного секретаря, который вел номер.

Несмолкаемый стук аппаратов, несмотря на хорошую звукоизоляцию телепайпной комнаты, был слышен не только в коридоре, но и в секретарской, и даже в комнате дежурной бригады – дежурке. Он не смолкал ни на минуту и был подобен пульсу – и не только редакции. Обо всех событиях в стране, да и во всем мире, мы, редакционные работники, узнавали первыми – благодаря неутомимому, несмолкающему телетайпу. Почему-то навсегда запомнила тот июльский день, когда сняла с аппарата короткую лаконичную информацию – умер Владимир Высоцкий. Не веря своим глазам, в ужасе вбежала в «дежурку». Серый клочок бумаги стал переходить из рук в руки, ввергая в ступор каждого… Никто, никто не хотел верить в случившееся, и, в конце концов, дежурный по номеру дал мне бессмысленное задание – пробежаться по другим редакциям и узнать, пришла ли и им эта информация. Вдруг, вдруг наш аппарат дал сбой, выдал страшный брак?

Сообщения с телепайпа называли тассовками, так как были они написаны корреспондентами ТАСС – Телеграфного агентства Советского Союза. Были тассовки, как правило, короткими и лаконичными, чисто новостными. И поступали они в редакцию круглые сутки! Естественно, когда после подписания номера редакцию закрывали, выключали и аппараты. Но стоило утром нажать одну на всех большую красную кнопку, они начинали буквально захлебываться, выгружая на стол десятки ночных новостей… Конечно же, сообщения корреспондентов ТАСС попадали на газетную полосу выборочно, в мизерном количестве: в основном, в нашей газете печатались информации о каких-то важных событиях в стране или за рубежом, редко – просто интересные факты, которые не могли раздобыть наши собственные корреспонденты. Дежурный по номеру по одним заголовкам мог определить важность для нашей газеты той или иной тассовки. Проработав на телетайпе несколько месяцев, поднаторела в этом деле и я, и бывало, что нужные тассовки клала перед дежурным по номеру отдельной стопочкой.

В общем, где-то два-три раза в час я заходила на телетайп, отрывала ленту, потом на столе с помощью линейки отделяла одно сообщение от другого, подкладывала по порядку и несла замответсеку, в дежурку.

Просторная комната с огромным окном, посередине – два больших стола, стоящих буквой Т, в углу, справа от двери – небольшой стол «выпускающего», представителя редакции

в цехе… Вечно набитые окурками пепельницы, пустые грязные стаканы на подоконнике… Ноль уюта, минус индивидуальности… Сердце редакции. Часов с одиннадцати утра здесь становилось шумно и оживленно. То и дело забегали корреспонденты, чьи материалы стояли в номере, фотокоры с пачками свежих глянцевых снимков, выпускающий… Столы были завалены листами газетных полос, гранками, авторскими экземплярами заметок… Обмен новостями, анекдоты, прибаутки, разговоры о том о сем, свист пневмопочты, летящей с гранками в корректорскую или в цех… Именно здесь – в ожесточенных спорах о месте на газетной полосе, в дискуссиях, перебранках с крепким матом, в приступах хохота – рождалась газета.

Очень скоро я влюбилась! Влюбилась в эти коридоры, в эту дежурку, в свой телетайп, в эту настоящую, живую жизнь, в этот редакционный день, который, начинаясь с нуля, оканчивался ворохом горячих, лоснящихся краской газет! Смешно вспоминать, но в те дни я думала, что всю жизнь буду работать здесь, курьером, «доставляя» в дежурку свежие новости! Какой же значительной казалась мне роль в общем деле!

Как-то, через месяц моей службы в редакции, вдруг ЧП – заболел вечерний курьер. Лариса Ивановна, взъерошенная и озабоченная, влетела в секретарскую.

– Ну что делать, Валь?

– Маринка, а, может, ты поработаешь? – повернулась ко

мне Валюша. – За смену получишь пять рублей. Согласна?

Моя дневная смена стоила всего два с половиной рубля. Даже по тем временам не деньги, а слезы. Пять рублей – это уже кое-что. Но финансовый вопрос был для меня как раз последним. «Мне доверяют, я могу выручить родную редакцию!» – я чуть не лопнула от счастья. И хотя вечерняя смена заканчивалась с подписанием газеты – за полночь, а утром опять нужно было заступать на дневную, тут же согласилась.

– Ну что, справишься? – Лариса Ивановна с надеждой посмотрела на меня.

Смена вечернего курьера приходилась на самый пик общения редакции с цехом. Один за другим появлялись на газетных полосах оттиски материалов, шло много корректорской правки… Пневмопочта не выдерживала нагрузку, за нее работала я.

Цех находился в другом крыле здания – издательском корпусе. Бежать туда нужно было мимо буфетов, корректорских всех изданий, по длинному застекленному коридору… Чем ближе, тем громче… И в конце концов тебя словно всасывал в себя этот огромный зал, в котором ни на минуту не смолкал грохот машин. Чтобы тебя услышали, приходилось кричать прямо в ухо. Десятки наборщиков выстукивали на огромных машинах редакционные тексты. Весь потолок был увешан свинцовыми чушками, которые по транспортеру подходили к каждому наборщику… Наш издательский корпус был первой типографией в Москве, а значит – и во всем

СССР, где внедрили офсетный способ печати. Но долгие годы передовая технология работала, что называется, на старых дрожжах. Офсетным пленкам предшествовал тяжелый, вредный процесс высокой печати. Какими же неподъемными были эти металлические литеры! Чтобы ускорить газетный процесс и сократить собственную беготню по коридорам, я иногда ожидала, пока наборщик выплавит новый текст, а мастер сделает с него оттиск на длинной полоске бумаги – гранке. Металлический текст шел справа налево, и я не переставала удивляться, как ловко мастер выхватывал щипцами нужные буквы или целые куски текста, вставлял на их место новые… Иногда, когда правки было слишком много, между редакцией и цехом разгорался скандал: каждая лишняя или «чужая» буква или запятая сбивала сроки выхода газеты в свет.

Домой я возвращалась не то что за полночь, а с последним поездом метро. Мама всегда ждала меня на кухне, готовая поставить на стол горячий ужин. Родители очень волновались, что их юная дочь возвращается в два часа, по темноте зимней ночи, и иногда выходили встречать меня к остановке. «Сотовых» тогда не было, и, позвонив из редакции перед выходом, я все равно не могла сказать точное время приезда – поезда в метро ходили уже с большими интервалами, а автобусов и вовсе не было – чаще всего я топала от метро пешком… Так что их прогулки затягивались иной раз, в прямом смысле слова, до посинения.

В принципе, в редакции было две дежурных машины – черные «Волги» с обкомовскими номерами. Наши водители, гордясь своей избранностью, по ночам презирали светофоры и разгоняли «Волги» до предельных скоростей. После подписания номера дежурная бригада разбивалась на две группы – южную и северную, и рассаживалась по авто. Однажды решила и я воспользоваться услугами редакционного транспорта. Путешествие оказалось долгим: вначале отвезли домой дежурного редактора, потом двух дам из корректорской, и самой последней – следуя табелю о рангах – меня. У моего дома машина остановилась около четырех утра. Утомленная длинным рабочим днем и почти трехчасовой дорогой, я, пошатываясь, двинулась к подъезду. Вдруг водитель окликнул меня. Оказывается, «Волга» застряла в сугробе и буксовала на месте. Водитель – Валька Московский – невысокий и щуплый, безуспешно толкал ее в зад. Я начала толкать вместе с ним… Минут через десять Валька прыгнул за руль:

– Ну, толкай! Толкай, сильнее! – кричал он.

Я была не только юной, но и в легчайшем весе – во мне не было и пятидесяти килограммов. И все-таки толкала, но быстро выбилась из сил, а «Волга» по-прежнему не двигалась с места. Валька был в шоке – ну не стоять ему же около моего подъезда до утра! И тогда я рванула домой. Родители, не тревожась в этот вечер о моей безопасности, крепко спали. Подняла с постели папу. Он, спросонья не понимая, зачем нужно бежать на улицу, – ведь я уже дома – все-таки

накинул пальто на голое тело, чертыхаясь, вышел во двор. Увидел газующий автомобиль.

Высокий, метр восемьдесят с лишним, крепкий, он одним движением плеча освободил машину из снежного плена. Валька от радости даже не остановился, не попрощался, только сверкнул фарами. Зато на следующий день вся редакция знала, какой великан и богатырь мой папа, который – нет, не плечом, а одним мизинцем! – вытолкал редакционный автомобиль из сугроба!

Вечерний курьер болел недели две. Я страшно уставала, но и в следующий раз не отказалась от работы… За свою курьерскую жизнь я еще не раз выручала редакцию, работая за двоих – с девяти утра до часу ночи. И была абсолютно счастлива!

Равнение на Карабаса

Телетайпов было четыре. Первый – самый главный – гнал «официоз»: пленумы и съезды ЦК, встречи вождей, трудовые подвиги и все то прочее, что составляло жизнь станы советов. Второй также выдавал новости из жизни страны, третий – события из-за рубежа, четвертый – только спорт. Больше других ждали в дежурке тассовки с первого аппарата. Все заметки, в которых упоминалось имя Л. И. Брежнева, его правых и левых рук, печатались во всех изданиях на первой странице, без правок и сокращений. Пропустить такое сообщение – значило расстаться с должностью. Нет, не стрелочнику вроде меня, – а одному, второму, третьему, вплоть до главного редактора…

Страницы большинства сегодняшних изданий забиты новостями шоу-бизнеса, страницами из жизни звезд… И заголовки куда крупнее и красочнее тех, «брежневских»… Каждое поколение штампует своих Карабасов-Барабасов, и разница лишь в том, что сегодня кандидатов для поклонения не счесть – от маленького до самого крупного калибра, а тогда на всю страну была одна большая, с мохнатыми бровями звезда…

Страшно вспомнить, сколько беготни и нервных передряг бывало у меня в дни съездов и пленумов ЦК КПСС! Уже с самого утра телетайп не умолкал ни на минуту. И хотя где-

то там, в Кремле, съезд только начинал свою работу, аппараты уже гнали метровые тассовки с речью Л.И.Брежнева и всех выступающих на съезде – ведь все речи давно были написаны и одобрены… Эти сообщения я должна была относить в дежурку каждые десять минут.

А как трясло дежурную бригаду! Нет, не от важности события – все прекрасно знали истинную цену происходящему, а от того, что весь номер будет состоять из так называемого «свежака», который нужно было набрать, несколько раз вычитать и проч… В такие дни рабочий день начинался у дежурного секретаря по выпуску номера раньше обычного. Общая энергетика редакции во многом зависела от того, кто в этот день был в дежурке главным. Олег К. работал собранно, тихо. Ни одного лишнего человека в комнате, никаких пустых разговоров, ни капли спиртного в рот… Если выпадало дежурство Игоря И., то можно было и заплакать от обиды. Он страшно нервничал, сам иногда бегал на телетайп, забегал в секретарскую.

– Чего сидите, курицы! – орал с порога. – Где поправка? Ищи поправку! – сжав кулаки, пучился в мою сторону.

Ох уж эти «поправки» – правки к основному тексту звездных выступлений. Они шли четко по порядковым номерам, и я клала их на стол в дежурке отдельной стопкой. Касались поправки, главным образом, изменений в регламенте, перетасовке выступающих, реплик по аплодисментам. Как правило, после каждого абзаца речи Брежнева в скобочках стоя-

ло слово «аплодисменты». Это было очень важное слово, так как отражало, якобы, полное согласие народа с существующим строем и мнением вождя. Не случайно многие поправки относились именно к аплодисментам: в каком-то месте нужно было напечатать «бурные», в другом – «бурные продолжительные». Ошибиться с количеством этих хлопков было никак нельзя!

– Чего орешь! – тут же осаживала Игоря Валюша. – Иди отсюда! Куда положил, там и ищи…

Игорь, ругаясь, послушно возвращался в дежурку.

– Маринка, не расстраивайся, плюнь ты на него! Пойди, милок, поищи, может под стол уронил, или под бумагами где, – оборачивалась она ко мне.

Я, сдерживая подступающие слезы, бежала вслед за Игорем – переворачивать мусорное ведро, перекладывать бумаги на столе…

А в это время в редакционных отделах тоже была запарка – там готовились народные отклики. Газета еще не появилась в ящиках подписчиков, но отклики на речь Брежнева обязаны были быть! Создавались они по хорошо отлаженной схеме. В отделах были свои связи с городскими комитетами партии в каждом из подмосковных городов. Там корреспондентам и «выдавали» фамилии передовиков производства, лучших доярок и трактористов. От их имени наши журналисты и сочиняли все эти письма – учитывая, а вернее, создавая, эмоциональную окраску речи каждого из персонажей!

Кто сейчас помнит такие «великие» книги, как «Поднятая целина» и «Малая земля»? Я помню хорошо. Во-первых, сдавала по ним зачеты в своем Полиграфическом институте. Во-вторых, в конце семидесятых-начале восьмидесятых это были главные книги в нашей стране – сам Леонид Ильич Брежнев написал воспоминания о войне и юности! Сколько же шума было вокруг этих литературных «опусов»! После выхода каждого в свет все газеты выдавали фейерверк откликов от трудящихся страны. Причем, книга утром появлялась на прилавках, а назавтра уже почти две газетных полосы должны были быть заняты восторженными воплями народа. В такой день двери некоторых отделов закрывались на ключ с внутренней стороны еще до обеда. Сделав запас бутербродов и – чего греха таить – бутылочки спиртного, журналисты принимались за работу. Так создавался миф о всенародной любви к вождю…

Самое главное в жизни

– Зайди! – как-то сказал Валентин А., высокий, худощавый, всегда в помятом костюме, с помятым лицом. Он был третьим замотвetсека, и в этот день в маленькой комнате прямо напротив моего телетайпа рисовал макет для завтрашней газеты.

В первые месяцы работы для меня любой человек в редакции был начальством, я зашла.

Валентин подошел к столу.

– Водку будешь? – спросил просто, доставая из-под стола чекушку и захватанный стакан. – Ну и правильно, что не будешь… Ты вообще не пьешь или со мной не хочешь? Да ты садись, не бойся, я тебя не трону. Просто поболтаем.

– Что-то уж ты больно пугливая, робкая. Так, девочка, тут нельзя, – поговорив со мною минут пятнадцать, заметил он. – Возьми вот, попьешь чаю, – он выудил из кармана две конфетки. – Заходи!

– Ты где это была? – заметив мое долгое отсутствие, Валентина Петровна, несмотря на наши уже теплые отношения, смотрела на меня строго.

– Вот, к Валентину Федоровичу заходила…

– Это еще зачем?

– Позвал…

– Дело это хозяйское, но мой тебе совет – ты по кабине-

там не шныряй. Много тут таких… Мало ли – позвал… Их дело маленькое. Может, и ничего, делов будет на три копейки – а разговоров на три рубля. Тебе это надо? Ты, я вижу, девчонка серьезная, хорошая, потому и говорю. А там уж – сама думай.

Я на Валюшу за выговор не обиделась, понимала, что она с добром отчитывала. Собственно, меня и мама предупреждала, что на работе – никаких романов. Да я и сама, без подсказок, вовсе не собиралась шнырять. Но один человек мне все-таки очень нравился!

Володя С., первый заместитель ответсека. Высокий, большой, с круглым лицом, римским профилем, большими умными глазами… Главный балагур, юморист, образованнейший человек, редакционный любимец… У него была манера – часто разговаривать на ходу, будто с самим собой. Тот, кто в эти минуты попадался у него на пути, обязательно реагировал, затем подключался третий, четвертый, и этот общий шумный разговор оканчивался смехом и хорошим настроением.

У Володи было несколько коронных фраз, которые он часто повторял. Навсегда запомнила одну: «Самое главное в жизни – это отношения между мужчиной и женщиной». Удивительно, но говорил он ее иногда, казалось бы, невпопад, далеко от темы – и всегда она была к месту, вызывая грусть или смех.

Мы с ним общались мало, как-то мимоходом.

Помню, как-то шли по длинному коридору навстречу друг другу. – А ты читала «Портрет Дориана Грея»? – вдруг спросил он, даже еще не поравнявшись со мной.

– Нет, – не останавливаясь ответила я.

– Жаль, я в твоем возрасте уже прочитал, – услышала я спиной.

В тот же вечер достала дома книгу с полки… На долгие годы Оскар Уайльд стал одним из любимых моих писателей. А тогда, через несколько дней я, робея, осмелилась поделиться с Володей своими впечатлениями. Он очень обрадовался – то ли тому, что я прочла, то ли тому, что я о прочитанном думала, и с тех пор частенько подсказывал, что еще полезно и интересно было бы мне прочитать. Наша взаимная симпатия росла. Но о романе не могло быть и речи. Он, тридцатипятилетний, был для меня слишком взрослым. К тому же Володя был женат. Его сын лет двенадцати иногда приходил в редакцию – он был очень похож на отца. Жену его не видела, любил ли он ее – не знаю, но уважал точно. Иногда, хлебнув лишнего, мог сказать с гордостью: «У меня очень интеллигентная жена! Она в шляпе ходит!». Я для него была ребенком – и не по возрасту, а по сути, состоянию души. И все же своих нежных «чувств» ко мне он не скрывал.

– Как ты мне нравишься! Как же ты мне нравишься, девочка! – певуче растягивая слова, говорил он, облокотившись о наше бюро. – Валя, какая она хорошая! – призывал

в союзницы Валентину Петровну. – Лариса, ты где такого курьера взяла? Я же влюбился! – оборачивался на голос Ларисы Ивановны, забежавшей к нам по делам.

– Ты к ней даже не подходи! Не морочь голову девчонке! Иди, иди отсюда! – Лариса Ивановна, почти вдвое меньше Володьки, толкала его рукой в живот, спиной пятила к двери.

– Да не бойся, – похохатывал он. – Я же детей не трогаю! Проработали мы с Володей не больше полугода. Как-то весной после одного неприятного инцидента его уволили – в одночасье, без всяких двухнедельных отработок. «Провинился» Володя по глупости, никому не желая зла, но проступок его должен был быть наказан. Многие в редакции не скрывали слез в тот день, включая Валюшу, Ларису Ивановну, самого Володьку… Он любил свое дело, людей вокруг… Я – так просто рыдала.

Володя потом частенько заходил в редакцию. На работу он, конечно, устроился, но такого коллектива, такой душевной атмосферы на новом месте уже не нашел. Был у него в нашем здании и личный интерес – дама из соседней редакции, разведенная, с сыном. С хорошеньким лисьим личиком. Маленькая, вечно закутанная в шаль, которая прикрывала ей даже колени, она долго приручала Володю и в конце концов победила – как репку, выдернула его из семьи. С тех пор Володя все чаще приходил в редакцию с красным лицом, шутил больше с грустью, тихо сидел в дежурке, подперев щеку рукой, уныло глядя в окно… Друзья жалели его. Ольга Ива-

новна несколько раз беседовала по душам, советовала вернуться к «женщине в шляпе». «Да, она любит меня, – тянул Володя. – Ты не думай, что эта плохая. Она такая…» – он замолкал.

Последний раз я видела его много лет спустя. Как-то села в вагоне метро на свободное место. Со мной вдруг заговорил сосед слева. Повернула голову – да ведь это Володя! Не трезвый. Он смотрел на меня в упор и не узнавал – конечно, много лет прошло, да и была я в модных по тем временам очках «хамелеон».

– Извините. Не думайте плохо, просто я сегодня похоронил друга… – он и извинялся, и жаловался, пытаясь завести знакомство.

Я ничего не спрашивала, а он все говорил – о том, что едет домой, о том, что жить грустно…

– А вы знаете, что самое главное в жизни? – вдруг спросил он. «Да, Да!» – хотелось закричать мне, к этому времени уже на собственной шкуре испытавшей это «главное».

– Нет, – сказала я наконец.

– Отношения между мужчиной и женщиной! – важно произнес Володя. – Можно вас проводить? – увидев, что я собираюсь выходить, вдруг спросил он.

Мы вышли на улицу. По дороге к троллейбусной остановке я коротко сказала, что провожать меня не стоит – у меня муж и дети.

– Плохо, – вдруг сказал Володя. – Вернее, для меня пло-

хо…

Он остановился, а я продолжила путь. Через несколько шагов оглянулась. Мартовский ледяной ветер пробирал до костей, обжигал щеки. Володя стоял, втянув голову в плечи. На голову выше проходивших мимо мужчин. Еще красивый. В самом расцвете лет. Потерянный и жалкий. Было видно, что не знал, куда и зачем ему идти. «Возвращайся к женщине в шляпе!» – как заклинание сказала я тихо, ухватившись за поручень троллейбуса.

Прямая связь

Когда меня переводили из курьеров в техсекретари, я уже не думала, что буду курьерить всю жизнь, и легко рассталась со своей любимой «должностью». За месяцы, проведенные в редакции, я поняла, что здесь любая работа важна для общего дела.

Прощай, телетайп! Да здравствует телефон!

На тумбочке рядом – с теперь уже моим – бюро стояло четыре аппарата: городской, прямой с редактором, местный и связь с дежуркой. В иной день они трезвонили беспрерывно – с девяти утра до девяти вечера. Я должна была соединять редактора с дежуркой, вызывать сотрудников на ковер, заказывать пропуска посетителям, ломившимся в редакцию с жалобами, да еще отвечать на звонки читателей. В общем, работы хватало. Наш главный редактор меньше всего походил на высокое начальство. Ниже среднего ростом, с пухлым, щекастым лицом, огромными голубыми глазами, он вызывал умиление своими почему-то всегда короткими брючками. По иронии судьбы его личный водитель, Вячеслав Миронович, был представительным, высоким мужчиной в очках. Костюм на нем всегда был по росту, в руках он неизменно держал пачку газет. Однажды, в отдаленном подмосковном захолустье, куда наш редактор прибыл на открытие то ли новой школы, то ли свинофермы, местное на-

чальство, предполагая прямую связь между представительностью человека и его должностью, кинулось горячо трясти руку Вячеславу Мироновичу…

Но, как говорится, по внешности не судят. Редактора побаивались, иные вытягивались перед ним по струнке – ведь он был «главным»!

У редактора был телефонный аппарат местной связи со всеми сотрудниками. Однако вызывать на ковер он предпочитал через меня. Я, подобно гонцам, которым в давние времена отрубали голову за дурную весть, уже десятки раз могла быть обезглавлена. Правило было четким: найти и доставить в ту же минуту. При моем появлении с «просьбой зайти» люди прерывали деловой телефонный разговор, оставляли в столовой тарелку с супом…

Редкий человек в редакции заходил к нему по собственному желанию, без моего «благословения». Не важно, с чем приходили – с материалом на подпись, с заявлением ли об отпуске, просьбой о матпомощи – первым делом спрашивали:

– Главный как, в духе? Или попозже?..

Я по утреннему приветствию безошибочно определяла настроение главного на текущие сутки. Если, заходя утром в секретарскую, он улыбался, останавливался около бюро, спрашивал об успехах – можно было ожидать теплой встречи. Если же быстрым шагом следовал в кабинет, через плечо бросив «Доброе утро» – быть буре. В такие дни я заворачи-

вала всех тех, кто приходил без вызова, по личной просьбе. Однако, как и погода, настроение главного могло меняться в течение дня. Чтобы узнать нужный градус, был разработан ритуал.

Редактор любил несколько раз в день попить чаю. Самовар почти всегда был наготове, и, по обоюдному договору, я приносила чай утром и после обеда. А также когда пила сама.

– Я всегда с удовольствием попью чайку, – заключил както нашу «сделку» Леонид Владимирович.

Чаек выручал всегда. При появлении визитера я приоткрывала первую, внешнюю дверь в редакторский кабинет. Если редактор не был занят телефонным разговором, значит – зеленая улица горячему напитку! Входила всегда тихо. Почти не касаясь каблуками огромного ковра, ведущего к редакторскому столу, с каждым шагом, как аромат, впитывала настроение маленького человека в не по размеру большом черном кресле. Если он не поднимал головы, ставила чашку на стол и так же незаметно уходила. «Не сейчас», – сообщала просителю. Другое дело, если Леонид Владимирович, оторвавшись от дел, благодарно улыбался, заводил короткий разговор… Выйдя в секретарскую, смело давала отмашку – можно! И всегда задним числом жалела обе стороны: и редактора, которому никогда не давали расслабиться, просто, в свое удовольствие, попить чайку, и всех остальных, будто пуповиной связанных с главным, находящихся в пря-

мой зависимости от его настроения…

А уж как не свободен был главный! На самом видном месте на его столе стоял особый телефонный аппарат – прямая связь с первым секретарем обкома партии. Уезжая по делам или просто выходя из кабинета на несколько минут, редактор всегда оставлял двери распахнутыми – услышав своеобразное треньканье «прямой» связи, я обязана была, бросив все, опрометью мчаться в кабинет, чтобы не пропустить звонок.

– Это Конотоп, – сильно «окая», медленно сообщала трубка.

В ответ на этот «конотоп» я произносила всегда одну и ту же фразу: « Минуточку подождите, пожалуйста…» Как пуля влетала в дежурку… Если редактора в ней не было, кто-либо из мужчин пулей же влетал в комнату напротив – мужской туалет. Леонид Владимирович, суетливо одергивая костюм, почти бежал в кабинет.

Можно представить, с каким трепетом этот самый Конотоп спешил на звонки «своей» прямой связи!..

Лучший в мире фотошоп

Отдел иллюстраций находился в самом конце длинного редакционного коридора. По правой его стороне располагались маленькие комнатки для заведующих отделами, по левой – большие, для сотрудников. У отдела иллюстраций была всего одна общая комната. Три стола были завалены горами черно-белых снимков – ведь все газеты тогда выходили в черно-белом виде. Фотокоры за столами не сидели. Они без устали носились по Подмосковью, а, приехав с задания, обрабатывали снимки в лаборатории. Четвертый стол, прямо напротив двери, торцом к окну, занимала ретушер Инна Т. Очки вздернуты на лоб, во рту сигарета, в правой руке кисточка – такой я заставала ее в любое время, заходя по какому-либо делу в отдел.

Инна была намного старше меня, ей было за сорок пять. И между тем у нас с ней завязалось что-то типа дружбы. Может быть, потому, что у нее была дочка моего возраста и она хорошо понимала мои интересы и проблемы. А может, потому, что мы обе были любительницами рукоделия – и шили, и вязали. Инна часто покупала модные журналы и всегда зазывала меня посмотреть и обсудить новые фасоны, охотно показывала, как и что нужно вязать… В общем, зайдя в отдел на минуту, я частенько задерживалась, присев на подоконник рядом со столом Инны. Иногда ей было не до бол-

товни – срочно нужно было подготовить снимок в номер. Я сидела молча, с восхищением наблюдая за ее работой.

В принципе, ретушь проходил каждый снимок. Хорошо, если дел было на пять минут – подумаешь, замазать прыщик на щеке доярки, убрать мешки под глазами у тракториста… А иной раз приходилось и попотеть, когда, например, парадный портрет председателя колхоза портила невесть откуда взявшаяся чужая рука… Это нынешний фотошоп творит чудеса, а тогда чудеса творили только Иннины руки. Инструменты у нее были наипростейшие – белила, чернила, тонкая и толстая кисточки и… вязальный крючок. Им она виртуозно убирала лишнее, нежно, легко сцарапывая со снимка… Потом уже в дело шли кисточки – толстая с белилами высветляла, тонкая с чернилами – дорисовывала и прорисовывала… Инна могла «вытянуть» любой снимок, а иногда – и просто «создать» его.

Однажды один из фотокоров получил задание сфотографировать передовика производства, которому вручили высокую правительственную награду. Когда корреспондент прибыл в скромные апартаменты героя в отдаленном подмосковном городке, то застал такую картину: работяга от чувств-с не просыхал третьи сутки, лежал в майке и семейных трусах на диване, сотрясая стены храпом. Снимок был нужен срочно. Фотокор подождал пару часов, а затем попросил жену передовика принять все-таки решительные меры. Та трясла своего Васю за плечи, включала на полную

мощь радио, била по щекам – Вася спал богатырским сном. Фотокор не мог вернуться в редакцию с невыполненным заданием. Уже ни на что не надеясь, а точнее, все же надеясь на милость богов, он, растопырив ноги, встал на диван, склонился с объективом над Васей… Жена, повесив на замусоленную майку мужа орден, вылила ему на лицо чайник ледяной воды. Работяга на секунду перестал храпеть и открыл глаза. Фотокор успел щелкнуть пару раз и помчался в Москву. Проявленное фото вызывало гомерический хохот у каждого, кто его видел, но фотокору было не до смеха – снимок ждали в дежурке! Крепко выругавшись, Инна приступила к созданию шедевра… На следующий день на первой полосе красовался Вася – с приглаженной челкой, в строгом костюме, с орденом на груди! Правда, в его глазах читалось полное отсутствие мысли, но это было абсолютно неважно!

Я всегда искренне восторгалась ее работой.

– Да это же просто, хочешь, научу? – как-то предложила Инна. – Но зачем тебе? Неблагодарный труд… Просто, я это дело люблю…

И действительно, работа ретушера всегда оставалась безвестной – на газетной странице под снимками стояли только фамилии фотографов. Да и денежное вознаграждение у них было в разы больше: если фотокор получал за фотографию от пяти рублей и выше, то Иннин вклад оценивался в исключительных случаях, и – в полном смысле слова – рублем…

Инна была единственной женщиной в отделе и очень по-

материнski относилась к своим «мальчикам», иные из которых были ее ровесниками. В советские времена зарплаты у журналистов были небольшие, а фотокоры почему-то получали почти вдвое меньше пишущих. А так как и им приходилось кормить жен и детей, то сами «кормильцы» частенько ходили впроголодь. Инна почти каждый день приносила на работу банки с домашней снедью. Фотокоры, возвращаясь с задания, бежали не в буфет, а к Инне:

– Дашь перекусить?

– Доставай из сумки, – отвечала она.

Когда не было домашних запасов, Инна отоваривалась в буфете. В такие дни на ее столе стояла тарелка с бутербродами, накрытая белоснежным листом А4. «Мальчики» лопали все с большим аппетитом. Не думайте, что Инна была Рокфеллером. Она просто была мудрой женщиной. Ей гораздо удобнее и спокойнее было подкармливать «мальчиков», чем каждый день одалживать им рубли и трешки на обед…

Морковка

Уж и не помню, почему у Игоря И., первого замответсека, а затем и ответственного секретаря, была кличка «Морковка». Он был невысок, полноват, с уже заметной лысиной, маленькими голубыми глазами и острым носом. В принципе, вполне симпатичный молодой человек тридцати лет. Морковка был весельчак и прикольщик. В первые месяцы моей работы в редакции – он был еще замом и через каждые два дня дежурил по номеру, собирая газету – я стала неизменным объектом его шуток.

Как-то зашла в дежурку с пачкой тассовок. Морковка, задержав меня жестом, быстро просмотрел несколько заметок, одну вернул.

– Вот, отнеси в «Комсомольскую правду», – сказал серьезно и строго.

Я знала, что в редакционном корпусе размещалось шесть редакций, и, выйдя к лифту, стала изучать список. «Комсомольская правда» в нем не значилась. Я перечитывала названия газет, на глазах уже выступили слезы…

– Валентина Петровна, а куда идти в «Комсомольскую правду»? – в растрепанных чувствах я вбежала в секретарскую.

– Чего? Это кто ж тебя туда послал? Ах, Игорь…

Она выхватила из моих рук тассовку и бросилась в дежур-

ку.

– Хватит над девчонкой издеваться! В следующий раз я тебе все… пообрываю…

– А чего она такая… отмороженная? – засмеялся в ответ шутник. – Так она же новенькая, не обвыклась… Нормальная девчонка, скромная. А тебе какие нужны?

– Да ты посмелее будь с этими охальниками, не бойся их, – учила она меня.

Через пару недель, уже в Надюшину смену, Игорь повторил шутку. – Вот, срочно в «Спортивную Москву»… – и протянул мне тассовку. Ха-ха-ха! Я уже знала, что телетайпы стоят в каждой редакции и сообщения приходят всем одинаковые… Знала и то, что «гонять» меня могли только по собственной редакции.

– Сам неси! – вдруг сказала я и страшно испугалась. Наградой мне стал одобрительный смех присутствующих – у птенца, наконец, прорезался голос!

Спустя несколько месяцев я вдруг стала замечать, что Морковка питает ко мне какие-то чувства, и скорее всего – нежные. Мог остановиться около бюро и шутить, не спуская с меня глаз, мог вдруг забежать и положить передо мной конфету или наливное яблочко, а мог и придраться без повода, довести до слез, а затем ходить и подлизываться…

Как-то летом мы небольшой редакционной компанией собрались по грибы. То ли мы были неопытные, то ли места оказались не грибные – вернулись из лесу с пустыми корзин-

ками. Но та прогулка оказалась значимой для наших с Морковкой отношений. Он поразил меня уже тем, что взял с собой не одну, а две корзинки – эта «лишняя» была предназначена для меня. Когда все разбрелись по лесу, Морковка пошел со мной. Через час предложил сделать привал, открыл рюкзак, достал большой термос, горку бутербродов… Я была поражена такой предусмотрительностью: мне запастись корзинкой и бутербродами не удалось – накануне работала до девяти вечера и в магазин зайти не могла, так как в те годы торговые точки закрывались в семь-восемь. Во время всего похода Морковка был очень внимательным, заботливым…

Вскоре наши отношения перевалили за дружеские – невзирая на строгие предупреждения моей мамы. Мы стали встречаться. Ходили в кино, порой просто гуляли по Москве… Морковка жил один в большой старой коммуналке почти под самыми стенами Кремля. Иногда мы заходили к нему попить чаю. Правда, чайника у Морковки не было, и он бегал одалживать его у соседей. Мне это казалось неудобным, и со следующей зарплаты я подарила ему этот необходимый в хозяйстве предмет. Уже в начале осени он познакомил меня со своими мамой и бабушкой. Они встретили меня очень приветливо, сразу же усадили за стол.

В любые времена шуры-муры между сотрудниками – самое последнее дело. Не знаю, какие меры принимают к парочкам ныне, а в те годы чистоту нравов блюли комсомольские и партийные ячейки. Если замечался любовный «кри-

минал», виновников вызывали на собрание для прочистки мозгов. О том, что у нас с Морковкой роман, первым делом догадался главный – он теперь то и дело заставал Морковку прилипшим к секретарскому бюро. Но, как ни странно, весьма благосклонно оценил наши отношения – он по-отечески любил Игоря и очень тепло относился ко мне.

Роман оказался коротким. Вечерним курьером редакции работала Таня Т. Убежденная комсомолка, активная и смелая. Моя ровесница, она была уже разведена – ее ранний брак продлился около полугода. Уже опытная в делах сердечных, Таня весьма скоро приметила наши «нежности» и сумела меня разговорить. Я, не ведая об опасности, рассказывала о встречах с Морковкой. Однажды Таня позвала меня якобы в кино. Встретились мы с ней в центре, почти рядом с домом Морковки. И там, в скверике, на лавочке, она мне поведала, что давно встречается с Игорем, показала даже ключ от его квартиры. Совершенно ошалелая, я, как теленок, пошла за Таней к знакомому подъезду. Та открыла своим ключом входную дверь, затем – дверь в комнату… Игорь был еще на работе. Татьяна сочинила гневное, обличающее письмо, под которым я и расписалась, бросила ключи на стол, и мы ушли. Я приехала домой в обморочном состоянии, совершенно не зная, как расценивать это первое в своей жизни предательство… Но не успела повалиться на диван, как зазвонил телефон. Это был Морковка, он уже приехал на станцию метро, рядом с которой я жила, звонил из теле-

фона-автомата, очень просил прийти к нему. Я приплелась.

– Я хочу, чтобы ты вернулась. Прямо сейчас. Я тебя люблю, – сказал он.

– Так не любят! – безжизненно ответила я.

– Ну, вернись, прошу тебя! Ведь там твой чайник!

– Нет! – я попрощалась.

Как ни странно, но наши отношения и после этого оставались теплыми. Морковка по-прежнему оказывал мне знаки внимания, иногда даже приглашал на свидания, порой я видела в его глазах неподдельную тоску… Но возврата к былому для меня быть не могло. Чего не скажешь о Тане. Она, устранив соперницу, продолжала встречаться с Игорем… Только через несколько лет состоялась свадьба: Морковка достался третьей или десятой, в общем, совершенно неизвестной нам даме. Спасибо Тане! Я рада, что тот давний «роман» закончился так быстро, не успев проехаться танком по моей душе. Конечно, какое-то время сердце ныло от боли, но зла я никогда на Морковку не держала. Просто, человек в поте лица искал свое счастье. А я искала свое.

Сан Саныч

Сейчас об этом и говорить неловко, но тридцать лет назад самым главным в личном деле работника был пятый пункт – «национальность». Среди журналистов было много евреев. Образованные, умные, интеллигентные – они составляли цвет писательской братии, имена многих были на слуху… Но вот карьерным ростом похвастаться могли похвастаться единицы. Ни в одной из центральных газет евреев не брали на должность даже заведующего отделом. Наша редакция была приятным исключением: среди заведующих отделами больше половины были не «арийцами». Почти все не скрывали своих истинных ФИО и прекрасно себя чувствовали. За исключением Сан Саныча, заведующего отделом писем.

Нельзя сказать, что обкомовскую редактуру проходили все газетные материалы. Но самые главные, так называемые гвозди, всегда читались партийным руководством. Каждый вечер сверстанные газетные полосы отвозились на читку в обком.

Как-то в мое дежурство, поздним вечером, когда я уже отбыла домой, оставив телефон на попечение вечернего курьера, раздался звонок. Обкомовский дежурный, новый работник, имел вопросы по материалу отдела писем и, желая связаться с заведующим, просил подсказать его домашний те-

лефон и имя-отчество. Курьер, тоже новенькая, еще далекая от редакционного политеса, открыла нужную папочку, выдала и телефон, и имя-отчество: Шолом Шаевич. Когда я через день заступила на смену, меня уже с утра предупредили о больших неприятностях.

Сан Саныч вошел в секретарскую красный, разгневанный. Вопросы «Как это могло случиться?» и «Кто посмел это сделать?» вырывались из него как пламя из пасти дракона. Я сначала несколько раз извинилась за оплошность курьера, а потом открыла ту самую папку, в которой Сан Саныч и прочитал свое настоящее имя. Возмущенно клокоча, он отправился к Ларисе Ивановне, заведующей и этим хозяйством. В тот же день списки перепечатали, и Шолом Шаевич навсегда исчез из личного состава редакции.

Иноверец

Каждое лето в нашей редакции, как и во всех других, появлялась стайка студентов, направленных на практику с факультета журналистики МГУ. Задания им давали несложные, никто рядом с ними не сидел, профессии не учил… Кто-то, отбыв практику, навсегда исчезал из редакции. Но были и одаренные, самостоятельные – те «прилипали» к какому-нибудь отделу, продолжали сотрудничество и со временем попадали в штат редакции.

Таким же путем пришел в корреспонденты и Саша Л. Невысокого роста, в очках, с нежным румянцем на пухлых щеках – вылитый «ботаник». Саша был очень воспитанным, интеллигентным. Никогда не ругался матом, не повышал голоса – говорил тихо и спокойно, всегда восхищал своим внимательным, галантным отношением к женскому населению редакции. Хорошо писал. Не участвуя в редакционных посиделках, тем не менее влился в коллектив. К нему все хорошо относились, уважали за «высокий стиль» общения. Иногда мы оказывались с ним за одним столом в редакционной столовой. Саша был вегетарианец и всегда делился рецептами правильного питания, не осуждая, а просто удивляясь кровожадности человеческого рода.

Работал у нас около года и вдруг исчез – не появлялся в редакции, не отвечал на звонки… В газете была неболь-

шая комсомольская ячейка – человек семь или восемь. Существовала ячейка чисто формально: комсорг Ольга В. исправно собирала взносы да раз в год устраивала отчетно-перевыборное собрание. Проходили эти «посиделки» шумно и весело. Те, кто работал над номером, забегали на пять минут – для галочки, те, кто был посвободнее, с удовольствием отсиживали час, вспоминая интересные эпизоды из своей журналистской практики.

Это собрание было внеочередным. Где-то через неделю после исчезновения Саши Ольгу вызвали в областной комитет комсомола. Вернулась она раздавленная, с черным лицом. Собрала нас и выдавила из себя страшное… Саша оказался кришнаитом, и не просто одним «из», а чуть ли не руководителем этого нового тогда течения. В комитете комсомола Ольгу нагрузили «указивками» – из комсомола исключить, с работы уволить.

Нас всех трясло от гнева и стыда – ну мало ли в какой барабан бил Саша, какие песни пел! Чистой души человек, способный журналист. Все сидели, понурив головы, не глядя друг другу в глаза. Никто не хотел быть секретарем собрания, писать протокол… Мы все чувствовали себя подлецами, как солдаты, которых вывели на расстрел осужденных. Гнусность ситуации была налицо, но от нас, к сожалению, ничего не зависело – там, в верхах, Сашу уже исключили, уволили… Он уже был под следствием, а от нас требовался только протокол… Было больно за Сашу, страшно за его

судьбу – ему грозил немалый срок…

Все разошлись как оплеванные – система ломала не только светлую душу Саши, но и наши, заставляя врать и приспосабливаться.

Лариса Ивановна

Беспокойная это должность – заведующая редакцией. Работа с неограниченным списком обязанностей… Прием и увольнение с работы, ведение личных дел сотрудников, заполнение трудовых книжек, бесконечные приказы – об отпусках, премиях, выговорах, материальной помощи… А еще больничные, ведомости по зарплате, устройство чаепитий с гостями редакции, организация похорон (к несчастью, случалось у нас и такое), доставка писем и бумаг от редактора в обком и обратно, вызов слесарей, сантехников, электриков…

Лариса Ивановна была как неуловимый Джо – ее никогда нельзя было застать в кабинете, да и на одном месте она не стояла: вот только что была у нашего стола, а через мгновение ее звонкий голос раздавался уже в районе дежурки…

В советские времена все одевались весьма скромно. Лариса Ивановна одевалась суперскромно. За годы работы я помню на ней два платья – зеленое, будничное, и темно-синее, парадное, которое было ей очень к лицу. С наступлением первых холодных дней и до теплых солнечных она ходила, вернее – бегала, в фетровой шляпке и легком пальто нараспашку…

Ее должность предполагала соблюдение политеса, умение идти на компромисс, сглаживать острые углы – ведь

в творческом коллективе всегда есть место амбициям и эмоциональным всплескам. Лариса Ивановна была абсолютно неправильной – она рубила любому правду-матку в глаза, ни перед кем не заискивала, никого не покрывала. Были люди, которые недолюбливали ее, подтрунивали над ее честностью и принципиальностью. Но зато все уважали – для любого из сотрудников она делала все от нее зависящее, да и не зависящее тоже.

Помню, когда я первый раз отработала две недели за вечернего курьера, случилась курьезная ситуация. Я не разбираюсь в трудовом законодательстве, помню лишь, что Лариса Ивановна по каким-то причинам не могла оформить подработку на меня – то ли по возрасту меня нельзя было загружать дополнительной работой, то ли еще что-то… В общем, чтобы я получила заработанное, она раскидала мои смены по трем работникам редакции. В день зарплаты принесла три доверенности на мое имя от этих якобы работников.

– Вот, отдашь кассиру. Получишь деньги, – сказала она.

Я так и сделала. Трудно сказать, что было в моей голове не так: с одной стороны я прекрасно понимала, что это моя зарплата, с другой – я получила деньги за других людей. И случилось так, что мои ноги сами понесли меня по редакционному коридору, а руки сами раздали деньги тем самым сотрудникам. Они, правда, страшно удивлялись и отнекивались, но я была непреклонна – клала деньги на стол и убегала.

После обеда заглянула к нам Лариса Ивановна.

– Ну что, получила за вечернего?

– Получила, уже раздала…

– Кому раздала? – почти закричала Лариса Ивановна.

– Тем, по доверенности…

– Да ты что ж делаешь? Это же твои, ты же работала!

Лариса Ивановна рванула с места. Через минут двадцать вернулась красная, взмыленная.

– Слава богу, еще никто не ушел. Вот, держи. Клади при мне в кошелек, маме неси.

После этого случая я зарплату, конечно, не раздавала. Но Лариса Ивановна еще долгие месяцы была под впечатлением и в день зарплаты с утра забегала в секретарскую:

– Марина, ты без меня в бухгалтерию не ходи. Зайду за тобой в три.

Она, как ненадежного алкаша, водила меня к окошку, следила, куда я положу деньги. Вечерний курьер болел часто, и вскоре мне опять пришлось работать в две смены. Лариса Ивановна теперь поступила мудро.

– Ты говорила, мама у тебя не работает? Приноси ее паспорт, оформлю маму, она и придет за деньгами.

Вот такой она и была – не равнодушной к тем, кто рядом. Хотя порой и страдала от этого.

Как-то весенним апрельским днем Лариса Ивановна часа в четыре пополудни, нагрузив сумку документами, отправилась в обком. В начале седьмого вечера в редакции раздался

звонок.

– Ну и где там ваша Лариса Ивановна с почтой? – недовольным голосом отчитывал меня чиновник. – Мой рабочий день уже полчаса как окончен, а ее все нет…

– Так она давно уехала, – опешила я, прекрасно зная, что от редакции до обкома не больше получаса езды.

– Ну, так разберитесь, я перезвоню…

Начальства в редакции уже не было, я даже не знала, к кому бежать с этой проблемой, как снова раздался звонок.

– Марин, ты это… в обком позвони, я завтра буду.

– Лариса Ивановна, так они сами звонили. Что с вами? – забеспокоилась я.

– Да ничего, в больнице я, голову бинтую…

А случилось непредвиденное. В тот день из зоопарка сбежала лошадь Пржевальского. Пометавшись по каменным джунглям, она нашла приют на зеленеющем первой травкой газоне, прямо напротив станции метро около нашего издательского комплекса. Когда Лариса Ивановна подходила к метро, газон был плотно окружен толпой любопытствующих, задаром наблюдающих за жизнью дикого животного. Лариса Ивановна тоже остановилась, но не потому, что любила лошадей. Рядом с беглянкой на газоне сидел маленький, лет пяти мальчик, собирая в пластмассовое ведерко травку для лошадки.

– Это где же родители-идиоты, которые ребенка к лошади пустили? – громко крикнула Лариса Ивановна. – Она же его

одним копытом…

И вдруг стоявшая рядом пожилая дама выхватила из хозяйственной сумки сковородку и со словами «Сама дура! За своими следи!» ухнула Ларису Ивановну по голове.

Что было дальше, Лариса Ивановна почти не помнила – из глаз посыпались искры, по лицу полилась кровь. На «скорой» ее доставили в СКЛИФ, сделали все, что положено. Рана оказалась глубокой, и Ларису Ивановну положили в палату. Но утром она под подписку сбежала от врачей и, отвезя почту в обком, появилась в редакции. Вид у нашей заведующей был страшный: фетровая шляпка в руке, голова перевязана бинтом, на бинте – запекшаяся кровь…

– Это шляпка меня спасла, – завершила свой рассказ Лариса Ивановна. – Если бы не она, было бы гораздо хуже…

А с мальчиком все было хорошо, да и с лошадью Пржевальского тоже – в тот же вечер ее отловили и отправили обратно в зоопарк, за решетку. А душевнобольную бабушку малыша почему-то нет…

Следить за своими детьми Ларисе Ивановне не довелось. Ей было около тридцати, когда случился у нее бурный роман, а вернее – любовь на всю жизнь. Был он постарше, профессор, один из лучших хирургов Подмосковья. И конечно же, женатый. Отдав дань первой волне страсти, Лариса Ивановна сделала выбор в пользу чужого счастья и на всю жизнь осталась одна. Говорят, он долгие годы приезжал к ней в редакцию: высокий, обаятельный, умный, всегда с охапкой цве-

тов…

Лариса Ивановна жила со старшей сестрой – старой девой. Все силы сестры отдавали тяжело больному, парализованному отцу, благодаря чему он прожил в таком состоянии без малого десять лет. За подаренную когда-то жизнь дочери сполна расплатились – собственной свободой и семейным счастьем…

Лариса Ивановна никогда не уходила с работы, не доделав всех – и больших, и малых – дел. Но никогда не задерживалась ни на минуту ради болтовни или общения с приятельницами. Даже в редакционных посиделках участвовала редко, только по самым большим праздникам. Для всех это было подарком – у нее был чудесный, чистый, высокий голос. И очень грустные песни.

Гости из будущего

В советские годы было принято иметь коллективы-побратимы в разных странах. У нашей редакции тоже были свои «братья» – провинциальные газетки из Болгарии и Чехословакии. Раз в два год к нам приезжали зарубежные гости – перенимать опыт. Мне с моей подругой Ольгой, работающей корреспондентом в отделе науки, как-то довелось сопровождать в развлекательно-познавательных поездках по области журналистку Цанку из братской Болгарии. Цанка было простой и скромной. С удовольствием лопала в нашей столовой бутерброды с икрой и свиные отбивные, больше всего мечтала увидеть Троице-Сергиевскую лавру в Загорске, куда мы и повезли ее в выходной день… Уезжая на родину, Цанка горячо благодарила за гостеприимство, сервис и профессиональные навыки, полученные у наших журналистов.

Был у нас побратим даже в далекой Америке. В положенный срок в захудаленькую газетку в маленьком городке какого-то штата поехал сам главный редактор. Две недели повышал квалификацию. В Москве стояла зима. А он вернулся загоревший, отдохнувший, его голубые глаза стали будто ярче. Делился впечатлениями – не со мной, конечно. Собрал планерку – редакторат, секретарей, заведующих отделами. Сидели долго, смеялись… Я лишь мельком видела фото на память – маленькая фигурка в плавках на бере-

гу бескрайнего, огромного океана… Каким-то несолидным был снимок. Но уж очень символичным. Наше «пигмейство» на фоне их «величия»… Великое расстояние между «мы» и «они»…

Случилось так, что через несколько месяцев, в начале лета, по редакции пополз слух об ответном визите. В обмен на одного нашего редактора в Москву засылали двадцать пять молодых американских журналистов из провинциальных городов! Обычно официальной перепиской редактора занималась Лариса Ивановна. Забегала с папочкой в кабинет и так же быстро выбегала… В тот вечер ее в редакции уже не было, и машинистка положила и рукописный и отпечатанный тексты редакторского письма ко мне на стол без всякой папочки: листок на листке. И хотя письмо было адресовано вовсе не мне, а товарищу Конотопу, я, как истинная секретарша, сунула нос в чужое дело.

Это было не письмо. Вопль души! Множество аргументов, которые должны были остановить прибытие делегации в наши стены! И вправду, в редакции не было элементарной техники – у нас лишь в нескольких отделах имелось по одной печатной машинке, все тексты журналисты писали от руки, затем относили в машбюро… Несовременная мебель, отсутствие фирменных, да и не фирменных ручек и карандашей, блокнотов… Диктофонов! Примитивность оборудования фотолабораторий, в которых снимки промывались в трех ванночках, а затем, как семейные трусы, висели

на бечевке, прижатые прищепками… Дремучесть издательского процесса… Мы, по сравнению с ними, на уровне каменного века, – писал редактор. Это будет позор!

Но запланированный визит уже никто не в силах был отменить. И вести американцев было больше некуда – ведь, как я уже говорила, наш комплекс был самым передовым в стране…

Отлично помню эту веселую толпу в голубой джинсе. Смена в тот день была Валюшина, но пришлось выйти и мне – я могла почти на чистом английском спросить: «Coffee or Tea?». Редакция готовилась несколько дней. Все кабинеты были тщательно убраны, на подоконниках стояли благоухающие свежестью фикусы и кактусы, все мужчины были чисто выбриты, дамы с укладками… В нашем сейфе все полки были уставлены посудой из редакционного буфета, под столом лежали в авоськах апельсины, яблоки, коробки с печеньем – все это было получено на продуктовом складе редакционного комплекса. Рядом с нашим двухлитровым красовался огромный самовар, выданный на том же складе.

Американцы оказались наглыми. Их экскурсия началась с самого последнего кабинета по длинному коридору – отдела иллюстраций, где сидела ретушер Инна – лучший в мире фотошоп! Показывать, собственно, было нечего: вот стол на четырех ножках, вот Инна. Вот ее кисточки и вязальный крючок – именно им она виртуозно «соскребывала» лишние детали… Следующий отдел – пропаганды. А тут четыре сто-

ла и две дамы – Нина и Анна, тоже совсем без отчеств, на западный манер. В отделе партийной жизни – очень похожая ситуация… Хорошее настроение у гостей нарастало, и к отделу писем, первому от начала коридора, они уже весело гоготали, дверь распахнули небрежным пинком ноги…

Отдел писем не случайно припасли напоследок – здесь было, чем похвастаться. В так называемой «темной» комнате вдоль стен стояли очень симпатичные, светлого дерева, шкафы с ящиками – картотека, где по алфавиту были подобраны письма трудящихся: со стихами, жалобами на протекшую крышу, храп соседей, отсутствие дороги к Богом забытой деревеньке… «Они» ржали… Держась за животы, выскакивали в коридор… Они не понимали, «что» им показывают и почему это «что-то» называется редакцией газеты… В дежурку, где на столах не было ни одного листочка, а на подоконниках – ни одного стакана, их даже заводить не стали. Тепленьких, в прекрасном расположении духа, провели в кабинет к главному редактору Леониду Владимировичу.

И тут настала моя очередь. С подносом, утыканным чашками с чаем и кофе, я вплыла в кабинет и, перекрикивая английский разговор, задала заранее отрепетированный вопрос. Почему мы с Ларисой Ивановной решили, что гости будут отвечать мне по очереди? Все заговорили разом! Начался бардак… Десятки рук потянулись к чашкам… Леонид Владимирович, забыв чин, стал на раздаче… С пустым подносом я уже бежала обратно. За дверью с таким же полным

чашек подносом стояла Валентина Петровна, я занесла вторую порцию, затем третью… Уверена, что каждому из гостей достался и чай, и кофе. И фрукты, конечно же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.